

УДК 008

Суворов Дмитрий Владимирович

канд. культурологии, доцент факультета бизнеса и управления, НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург).
E-mail: dmitrij_suvorov_60@mail.ru

Suvorov Dmitriy Vladimirovich

Candidate of Culturology, Associate Professor at Business and Management Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

О СУЩНОСТИ

**«ПСЕВДОМОДЕРНИЗАЦИИ» И
«АБОРТИВНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ»**

ON THE SUBSTANCE

**OF «PSEUDO-MODERNIZATION»
AND «ABORTIVE MODERNIZATION»**

Аннотация

Статья посвящена феномену «псевдомодернизации» и «абортивной модернизации». В работе рассматривается специфика содержания и системных закономерностей этого своеобразного типа «догоняющей модернизации», анализируются современные научные теории, изучающие и систематизирующие данный феномен (концепции А. Турена, К. Виттфогеля, В. Красильщикова, Т. Пиирайна, П. Штомпки). Критическому анализу подвергается концепция «незападной модернизации», сформулированная рядом философов исламского мира (А. Абдель-Мелек, М. Икбал, А. Мазруи, С. Х. Наср). Критерием отличия «псевдомодернизации» от парциальной модернизации служат принципы системного подхода и введение концепта «неэнтропии» (концепции Р. Клаузиуса, Э. Шредингера, Л. Бриллюэна). В силу того что элементы описанных типов «догоняющей модернизации» присущи истории многих стран «второго эшелона» мирового развития, идущих по пути «вторичной модернизации» (в том числе – России), изучение данной социокультурной закономерности является во многом матричной для понимания современных модернизационных процессов в целом.

Ключевые слова: «псевдомодернизация»; «абортивная модернизация»; «контрмодернизация»; «антимодернизация»; «ложная модернизация»; «околомодернизация»; энтропия; неэнтропия; саморазвивающиеся системы; несаморазвивающиеся системы.

Abstract

The article is devoted to the phenomenon of «pseudo-modernization» and «abortive modernization». The paper considers the specifics of this peculiar type of «catch-up modernization», its content and system of the laws. The author analyzes modern scientific theories focused on studying and systematizing this phenomenon (A. Touraine's, K. Wittfogel's, C. Krasilshchikova's, S. Piironen's, P. Sztompka's concepts). Ideas of «non-Western modernization» formulated by some Islamic philosophers (A. Abdel-Malek, M. Iqbal, A. Mazroui, S. H. Nasr) has been subjected to a detailed analysis. The criteria to distinguish «pseudo-modernization» from partial modernization are the system approach principles and the concept of «negentropy» (R. Clausius, E. Schrödinger, L. Brillouin). Due to the fact that the elements of described types of «catch-up modernization» are common characteristics of many «second echelon» countries history on the path of «secondary modernization (including Russia), the study of this socio-cultural patterns is largely matrix.

Key words: «pseudo-modernization»; «abortive modernization»; «counter modernization»; «antimodernization»; «false modernization»; «para-modernization»; entropy; negentropy; self-developing system; non self-developing system.

*Наше устройство – и общественное, и личное – полно несовершенств.
Но ничто в природе не бесполезно, даже сама бесполезность.*

Мишель де Монтень

В литературе о модернизации существует ряд близких по значению, но (на наш взгляд) не до конца «разведенных по смыслу» концептов, возникновение ко-

торых восходит к работам А. Турена. У С. Ермахановой это сформулировано следующим образом: «В рамках теории модернизации существуют термины «контрмодернизация» и «антимодернизация», введенные А. Туреном. Первый означает альтернативный вариант модернизации по западному образцу, а второй термин означает открытое противодействие модернизации. Вслед за А. Туреном Н. Н. Зарубина предлагает следующую типологию: модернизация, контрмодернизация и антимодернизация. Считая эту типологию обоснованной, Е. Холмогоров также предлагает типологию в форме модернизации, контрмодернизации и антимодернизации, добавив еще один тип – *сверхмодернизацию*, которую определяет как попытку достижения превосходства над цивилизацией-лидером, когда основные социокультурные показатели «современности» принимаются и превосходятся на собственном ценностном и технологическом фундаменте. Осуществившая сверхмодернизацию цивилизация становится новым лидером, формируя свою ойкумену и бросая модернизационный вызов другим цивилизациям, через создание притягательного образа современности [12]. П. Штомпка, рассматривая теорию модернизации, предлагает понятие «ложная модернизация» по отношению к посткоммунистическим странам. Все эти феномены можно рассматривать как частные проявления догоняющей модернизации.

Надо сказать, что у А. Турена (и других приверженцев либеральной трактовки модернизации, к которым можно отнести К. Виттфогеля, В. Красильщикова, Т. Пиирайна) встречаются следующие, почти синонимичные термины: «контрмодернизация», «антимодернизация», «околомодернизация» (все термины предложены А. Туреном и повторены В. Красильщиковым); у Т. Пиирайна есть еще концепт «псевдомодернизация» (этот термин употребляет и В. Красильщиков) (цит. по: [7. С. 17]). По Т. Пиирайну, все подобные феномены создают не развитие, а его имитацию, давая по основным показателям, говоря словами финского ученого, «обратные результаты» [Там же].

Представляется, что в данном случае имеет смысл провести некоторое терминологическое упрощение (применить «бриту Оккама» – «не умножать сущности сверх необходимости»). Термин «антимодернизация» мы оставим сразу, поскольку им можно означать любые формы традиционалистского отката (термин вполне возможен, но не в данном контексте – поскольку мы рассматриваем различные проявления именно догоняющей модернизации). Термин «сверхмодернизация» представляется излишним, поскольку, используя редакцию Холмогорова, «попытку достижения превосходства над цивилизацией-лидером» можно считать сверхзадачей *всех* без исключения догоняющих модернизаций. Ведь просто «догнать» явно недостаточно – хотя бы потому, что «цивилизация-лидер» за это время тоже не стоит на месте (уже не говоря об иллюзиях и амбициях «догоняющего типа культуры»). Поэтому стандартным императивом становится «догнать и перегнать» (не обязательно в сугубо экономическом смысле – сплошь и рядом данный посыл формулируется в культурологическом поле, иногда с мистическим привкусом, как в известной сентенции Н. Гоголя: «Русский народ будет впереди всех других на празднике Светлого воскресения» [4. С. 368]). Такая всеобщность «сверхмодернизационного» замаха в значительной степени обесценивает само применение данного термина, поскольку теряется специфичность его применения. Поэтому в дальнейшем рассмотрении проблемы употреблять его мы не будем.

Столь же проблематичен концепт «контрмодернизация». Напомним: в редакции С. Ермахановой он означает «альтернативный вариант модернизации по западному образцу». Однако на сегодняшний день подобный вариант догоняющей модернизации (теоретически возможный) является если не утопией, то скорее неким «идеальным проектом», о котором (перефразируя Ф. Ларошфуко) все говорят, но который никто не видел. Кроме того, обычно в качестве «контрпроект-

та» по отношению к «вестернизированной модернизации» приводится опыт «коммунистических модернизаций» XX века (СССР, страны Восточной Европы, Китай и социалистические страны Восточной Азии, Куба). Отметим, что представлять данный прецедент в качестве единственного практического воплощения «контрмодернизации» фактологически некорректно – во-первых, потому, что в целом весь этот помпезный социально-экономический эксперимент, как известно, закончился громким фиаско; во-вторых, как мы знаем, Югославия практически сразу, а Китай и Вьетнам впоследствии стали развивать свою экономику (причем успешно) на базе стратегии «рыночного социализма» – что позволяет квалифицировать их опыт не как мифическую «контрмодернизацию», а как «нормальную» парциальную модернизацию.

В последнее время часто приводят в качестве другого примера «контрмодернизации» (альтернативного незападного проекта) модернизационные процессы в исламском мире – тем более что этот взгляд подкреплен солидными теоретическими изысканиями интеллектуалов типа А. Абдель-Мелека, М. Икбала, А. Мазруи или С. Х. Насра. Представляется, однако, что и здесь мы имеем дело больше с «идеальным проектом» футурологического характера («так должно быть в мире ислама!»), чем со строгой реальностью. Даже если оставить «за кадром» стоящий особняком пример Турции, то и в остальном исторически состоявшиеся реалии догоняющих модернизации мусульманских стран не дают повода оценивать их как «альтернативный проект». «Белая революция» в Иране и проходившие почти синхронно преобразования Закир-шаха в Афганистане были откровенно прозападными; социально-экономические, политические и даже культурные векторы развития таких модернизирующихся стран, как Египет, Марокко, Иордания и особенно Малайзия, не дают повода к квалификации их как «антивестернизированных» (совсем показательно, что – за исключением Ирана – ни одна исламская страна принципиально не допускает к власти фундаменталистов: это является стратегической линией). Самым же красноречивым свидетельством можно считать положение дел в «архаическом нефтяном заповеднике» – арабских нефтедобывающих монархиях. Случай ОАЭ («экономика будущего при политике прошлого») можно считать уникальным примером далеко зашедшей парциальной модернизации; главное же – в каком конкретном направлении следует ждать последующих модернизационных шагов в данном регионе. Направленность этого красноречиво показывает пример Катара, где (цитирую справочник) «в 1995 году кронпринц Хамад Бин-Халифа сверг с престола своего отца и сам стал эмиром Катара. С тех пор он провел серию либеральных реформ. Он даровал стране большую свободу печати, и спутниковое телевидение Катара – «Аль-Джазира» – стало одним из влиятельнейших источников информации на Ближнем Востоке. В 1999 г. в стране прошли выборы в муниципальный совет, состоящий из 29 членов. Это были первые выборы в Катаре, на которых и голосовать, и баллотироваться в совет могли и женщины. Конституция, закрепляющая демократические реформы, вступила в силу в 2005 г. Согласно этому документу, уже в 2007 г. в стране пройдет голосование, по итогам которого будут избраны члены частично выборного парламента». Комментарии излишни – тем более что практически в то же время конституция была «дарована» эмиром и Кувейту (после иракской агрессии и «Бури в пустыне»). Пусть эти арабские «демократизации» в глазах западных наблюдателей выглядят предельно «псевдоморфными» (Э. Хейвуд, например, выделяет этот феномен в особую группу культурно-политических систем, отличную от западных [11. С. 44] – показатель того, насколько «псевдоморфным» в глазах европейца выглядят подобные практики!) – направленность их очевидна и не вызывает двойного толкования. Во всяком случае, ни о каком принципиально отличном от «Запада» векторе развития даже в этом, крайне специфичном регионе

речи не идет (а экономически эти страны *изначально* строили все с расчетом на плотнейшую интеграцию с развитым миром). Произошедший на наших глазах феномен «твиттеровых революций» в арабском мире по своей природе и направленности также говорит сам за себя. Так что и этот пример экзамена на феноменальную «инаковость» не выдерживает. И вообще на сегодняшний день остается в силе констатация К. Сасаки: «Человек незападного мира может представлять модернизацию как сжатую и гипертрофированную форму самой западной цивилизации» [9. С. 168].

Но остаются почти синонимические концепты «околомодернизация» (А. Турен – В. Красильщиков), «псевдомодернизация» (Т. Пиирайнен) и «ложная модернизация» (П. Штомпка). Напомним: польский ученый употреблял его по отношению к посткоммунистическим странам¹, подразумевая под ним «несогласованное, дисгармоничное, внутренне противоречивое сочетание трех элементов: 1) современных черт в отдельных областях общественной жизни; 2) традиционных, домодернистских характеристик во многих других областях и 3) всего того, что облачали в изысканные одежды, призванные имитировать современную западную действительность» [5] (в качестве примера польский ученый приводит современное положение в Средней Азии и Белоруссии). По мысли же Т. Пиирайнена, главным в данном концепте является констатация *имитационности* модернизационных процессов («дающая обратные результаты») – т. е. *видимость* обновления, векторно направленная в каком-то другом направлении. Еще раз напомним: «Модернизация является *всеобщей* (курсив мой. – Д. С.) трансформацией традиционного домодернистского общества в такую социальную организацию, которая характерна для “продвинутых”, экономически процветающих и в политическом плане относительно стабильных наций» (определение У. Мура) [1. С. 89]. При парциальной модернизации имеет место неравномерное развитие различных сторон общества; в рассматриваемом же случае картина иная – здесь можно констатировать прорыв каких-то отдельных элементов в «модернити» при застое или даже антимодернизационности большинства других (вспомним определение Штомпки). Каким образом можно определить и развести два этих феномена?

В книге Е. Старикова «Общество-казарма от фараонов до наших дней» есть следующий отрывок: «Энтропия (термин введен в 1865 г. немецким ученым Р. Клаузиусом) – мера рассеяния энергии и *увеличения всех форм беспорядка* (курсив автора. – Д. С.). Основные виды энтропии – тепловая, структурная и информационная. Здесь нас интересуют два последних вида. Структурная энтропия служит мерой неупорядоченности строения систем. Тенденция к упорядочиванию, усложнению равносильна накоплению информации, а тенденция к упрощению означает уменьшение информации и накопление энтропии. Информация эквивалентна отрицательной энтропии – негэнтропии (термин введен одним из создателей теории информации Л. Бриллюэном). Негэнтропия характеризует качество упорядоченности. Австрийский физик Э. Шредингер выявил два различных механизма роста негэнтропии (упорядоченности) явления: статистический, создающий из хаоса порядок низшего уровня, и механизм, создающий из порядка низшего уровня порядок качественно более высокий. Все системы делятся на саморазвивающиеся, несаморазвивающиеся и энтропийные. Первый тип систем содержит источники развития в себе самом, обладает механизмом саморегуляции (т. е. воспроизводства необходимых для целостности системы условий) [10. С. 119–120]. «Разнообразие форм поведения, а следовательно, и способность саморегуляции зависит от богатства внутренних связей: чем меньше их в системе, тем меньше у нее возможных форм поведения. Вместе с тем саморегуляция осуществляется

¹ Как увидим, адресат данной типологии может быть и более широким.

лишь в тех случаях, когда в организм (в том числе социальный. – Д. С.) поступает информация из внешней среды... Так как способность к саморегуляции – свойство, несомненно противодействующее возрастанию энтропии, то поступление и переработка внешней информации – способ борьбы с ростом энтропии [3. С. 120]. ...Несаморазвивающиеся системы развиваются за счет источников энергии и не-энтропии, находящиеся в других системах... Тенденция к возрастанию энтропии, понижению уровня упорядоченности есть свойство деградирующих, или энтропийных, систем» [Там же. С. 121]. «...Нарастание социальной энтропии, то есть качественное понижение уровня социальности, есть не что иное, как инволюция» [10. С. 121].

Вот этот критерий и позволяет отличить описанные В. Красильщиковым, Т. Пиирайненом, А. Туреном и П. Штомпкой феномены от парциальной модернизации. Как говорил Христос, «по делам узнаете их»: «псевдомодернизированные» сообщества отличаются несаморазвивающимся (Турция эпохи позднего Танзимата, казарменно-коммунистические режимы XX века) или энтропийным (КНДР) характером. Характерный момент: способностью к саморегуляции обладают и традиционные социумы, и модернизированные (в том числе по парциальному варианту), но не «псевдомодернизированные» – в последних платой за имитацию развития становится, по констатации Ю. Карякина, «количественное нарушение соответствия элементов культуры и энтропийных элементов... идет лавинообразное нарастание энтропийных и количественных нарушений, систематическая расправа энтропийных элементов над антиэнтропийными» (цит. по: [8. С. 13]). При этом ситуация в таких социумах не является клинической – определенная подвижка элементов системы (в частности, смещение «сильного звена», а также сильная внешняя флуктуация) может вывести последнюю из инволюционного состояния и задать новый импульс развития (так, первый раздел Первой Речи Посполитой стал импульсом к реформам Четырехлетнего сейма, а прибытие эскадры М. Пэрри и последовавшие за этим экономические следствия – к революции Мэйдзи; Испанию из инверсионного «бега по кругу» вывел разгром 1898 года², а толчком ко многим модернизационным процессам в Азии стали поражения европейцев от японцев на начальном этапе Второй мировой войны).

Ко всем описанным концептам рискну прибавить еще один – *абортивную модернизацию* (по аналогии с «абортивной цивилизацией» у А. Тойнби; термин принадлежит Л. Гудкову). Так можно определить процесс насильственного прерывания модернизации в результате внутреннего или внешнего удара. От инверсионной «рецидивирующей модернизации» абортивная модернизация будет отличаться резким катастрофическим сломом модернизационных процессов, насильственным обрывом ее инерционности и системным разрушением уже наработанных элементов модернизированной системы. Такие примеры в истории Нового и Новейшего времени довольно редки³, и они обычно связаны с внешним фактором – например, крах проекта «Индийских Соединенных Штатов» Текумсе под ударом войск США, искусственный обрыв органической модернизации Нации Чероки под руководством Секвойи (в результате печально известной «Дороги слез»), а также Парагвайская война 1864–1870 гг., приведшая к фактическому уничтожению парагвайского государства и геноциду парагвайского народа со

² «Детями 1898 года» называли себя испанские деятели культуры 1-й половины XX в. (М. де Унамуно, Х. Ортега-и-Гассет, М. де Фалья, А. Гауди, Ф. Г. Лорка, Р. Альберти, Х. Миро).

³ В истории цивилизаций Древности и Средневековья подобные прецеденты были едва ли не системой (от уничтожения скифов сарматами до гибели цивилизаций доколумбовой Америки) – что и дало Тойнби основание для введения концепта «абортивные цивилизации». Но все это происходило в домодернизационный период человеческой истории и потому лежит вне рамок нашего исследования.

стороны Бразилии, Аргентины и Уругвая (с известными оговорками, сюда же можно отнести и подавление «Пражской весны» 1968 г.); однако подобный процесс может быть запущен и внутренними факторами (подобный вариант отчетливо прослеживается на примере событий 1917 г. в России).

Литература

1. Moore W. E. *Social Change*. – Englewood Cliffs : Prentice Hall. – 1963.
2. Piirainen T. *Towards a New Social Order in Russia: Transforming Structures in Everyday Life*. – University of Helsinki, 1997.
3. Алексеев Г. *Энергоэнтропика*. – М., 1983.
4. Гоголь Н. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н. Собр. соч. : в 7 т. – Т. 6. – М. : Художественная литература, 1986. – Гл. XXXII. Светлое воскресенье.
5. Ермаханова С. А. *Теория модернизации: история и современность*. Институт экономики и ОПП СО РАН, г. Новосибирск. – URL: <http://econom.nsc.ru/ieie/SMU/conference/articles/%C5%F0%EC%E0%F5%E0%ED%EE%E2%E0.doc>
6. Красильщиков В. А. *Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций*. – М., 1998.
7. *Между прошлым и будущим: социальные отношения, ценности и институты в изменяющейся России : материалы Международной научно-практической конференции Гуманитарного ун-та (17–18 мая 2005 г.) : в 2 т.* – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2005.
8. *Природа тоталитарной власти // Социологические исследования*. – 1989. – № 5.
9. Сасаки К. *Эстетическая жизнь в антиурбанистической культуре Японии // Ориентиры...* – М. : ИФРАН, 2001.
10. Стариков Е. Н. *Общество-казарма от фараонов до наших дней*. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2004.
11. Хейвуд Э. *Политология : учебник для студентов вузов*. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
12. Холмогоров Е., Крылов К. *После Запада: перспективы российской модернизации*. – URL: <http://holmogorov.rossia.org/modern.htm>